

Сердце мира

A digital illustration of a person with a backpack standing in a rainy, old city street, looking up at a massive, glowing red heart in the sky. The heart is surrounded by blue and purple clouds and rain. The street is lined with old buildings, and the overall atmosphere is mysterious and dramatic.

Bezymets .

Bezymets .

Сердце мира

«Автор»

2026

. В.

Сердце мира / В. . — «Автор», 2026

Гриша — обычный парень, который однажды проснулся от фиолетового света за окном. Огромный светящийся шар висел посреди двора, и что-то внутри подсказало: прикоснись. Он прикоснулся — и мир исчез. Теперь он в чужом мире. Один. Без денег, без оружия, без понимания, как здесь выжить. Только странная книга в поясной сумке

© . В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1 : Сон?	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Bezymets . Сердце мира

Пролог

Океан устал. Он бился о скалы этого забытого богами острова тысячелетиями, но так и не смог забрать его обратно в пучину. Волны, тяжелые и черные, лизали каменные зубы рифов, но башня стояла. Она выростала прямо из скалы, неестественно гладкая и чуждая всему живому. В ней не было ни окон, ни бойниц. Только камень цвета старых костей и время, застывшее в соли и ветре.

Внутри пахло вечностью. Это был запах сухого, нетронутого воздуха, древней пыли и чего-то металлического, похожего на озон после грозы. Единственный звук — неровный, захлебывающийся шепот волн где-то далеко внизу. Винтовая лестница уходила вверх крошечной спиралью. Ступени были высокими и стертыми, будто по ним веками ходили не люди, а нечто, не считавшееся с человеческим шагом. Темноту не рассеивал ни один факел, но мрак здесь был странным — он словно сам был источником скудного, серого свечения, позволяя видеть ровно на десять шагов вперед.

Путь вверх занимал часы. Или годы. Время внутри башни подчинялось иным законам. Но тот, кто зашел внутрь, уже не мог остановиться. Лестница не отпускала.

Вершина башни оказалась огромным круглым залом. Это была библиотека, но такая, какую не мог построить ни один безумный архитектор. Стеллажи уходили ввысь, теряясь в купольной темноте, и были сложены не из досок, а из окаменевших деревьев, чьи корни все еще цеплялись за стены. Книги стояли в них плотно, как солдаты, но корешки их были пусты. Ни названий, ни авторов. Только бесконечная череда немых томов.

В центре зала, на возвышении из трех черных монолитных плит, покоился пьедестал. И на нём лежало нечто, скрытое под плотной тканью, истлевшей от времени, но всё ещё хранящей очертания того, что находилось внутри.

В тот самый миг, когда последний отзвук шагов затих на каменном полу, пьедестал начал светиться...

Глава 1 : Сон?

Гриша проснулся от света.

Не от будильника, не от шума машин за окном, не от надоедливой солнечной луча, который каждое утро пробивался сквозь щель в шторах и бил точно в глаза. Нет. Сегодня всё было иначе.

Свечение было фиолетовым. Густым, почти осязаемым. Оно заливало комнату, превращая привычные очертания стола, стула, брошенной на пол футболки во что-то чужеродное, нездешнее. Тени на стенах дрожали и тянулись вверх, словно пытались убежать от этого цвета. В воздухе стояла неестественная тишина. Даже старый холодильник на кухне, вечно урчавший по ночам, замолчал. Будто боялся.

Гриша сел на кровати. Сердце должно было колотиться где-то в горле. Должен был быть страх. Но его не было. Вместо привычного холодка паники внутри разливалось что-то странное — теплое, спокойное, почти родное. Любопытство. Так смотрит ребёнок на новую игрушку, ещё не понимая, что она делает, но уже точно зная — она ему нужна.

Он встал. Пол под босыми ногами оказался ледяным, но это отрезвило лишь на секунду. Ноги сами понесли его к двери. Куртка? Не нужна. Обувь? Не важно. Всё это казалось мелочью, пылью по сравнению с тем, что ждало снаружи.

Улица встретила его безмолвием. Ни ветра, ни собачьего лая, ни далёкого гула трассы. Весь мир замер, затаил дыхание. И прямо посреди двора, зависнув в паре метров над детской площадкой, висел он.

Огромный светящийся шар.

Он был фиолетовым, переливающимся, с прожилками более тёмного, почти чёрного цвета. Шар медленно пульсировал в такт чему-то неслышимому. Качели под ним стояли неподвижно, турникет отбрасывал на землю длинную, неестественно фиолетовую тень. Воздух вокруг шара слегка дрожал, как над раскалённым асфальтом в летний зной. От него не исходило жара. Только этот странный, глубокий свет.

Гриша стоял босиком на холодном асфальте, запрокинув голову, и смотрел. Внутри что-то щёлкнуло. Какая-то древняя, инстинктивная часть сознания вдруг подала голос. Не словами — ощущением. Тёплым, настойчивым шёпотом, идущим не снаружи, а изнутри. Из самой глубины грудной клетки.

«Подойди. Прикоснись. Это твоё. Ты ждал этого. Всегда ждал».

Он сделал шаг. Потом ещё один. Босые ступни не чувствовали холода. Шар был совсем близко — только руку протяни. Его поверхность колыхалась, как натянутая плёнка мыльного пузыря. Внутри угадывалось движение — неясные тени, силуэты, образы. Но рассмотреть их не получалось. Они ускользали, как сон после пробуждения.

Гриша протянул руку. Ладонь дрогнула в миллиметре от сияющей поверхности. Последняя мысль, мелькнувшая в голове, была простой и ясной: «А вдруг это сон?»

Пальцы коснулись света.

И мир взорвался.

Фиолетовый свет полыхнул с неистовой, неудержимой силой. Он хлынул во все стороны разом, затапливая двор, дома, небо, само мироздание. Всё исчезло в этих потоках — ни теней, ни очертаний, ни верха, ни низа. Только бесконечная, звенящая, ослепительная фиолетовая бездна.

Гриша зажмурился, но веки не спасали. Свет проходил сквозь них, сквозь кожу, сквозь кости. Он был везде. Он был внутри. Вспышка становилась всё ярче, всё нестерпимее, пока мир окончательно не растворился в белом безмолвии.

А потом наступила тьма.

Гриша отшатнулся, вскинув руки к лицу. Яркое пятно всё ещё плясало перед глазами, прожигая веки изнутри. Он несколько раз моргнул, сильно, до рези, пытаясь прогнать остатки фиолетового марева.

После дневной свет ударил в глаза.

Настоящий. Солнечный. Тёплый.

Гриша замер, часто дыша. Сердце наконец-то вспомнило, что ему положено колотиться, и теперь навёрстывало упущенное с лихвой. Асфальт под ногами исчез. Вместо него — пружинистая, влажная земля, усыпанная прошлогодней хвоей и редкими островками мха. Пахло сыростью, древесной корой и чем-то сладковатым — не то дикими ягодами, не то прелыми листьями.

Он стоял посреди леса.

Высокие сосны и незнакомые широколиственные деревья обступали его со всех сторон плотной стеной. Кроны смыкались высоко над головой, пропуская солнечные лучи лишь узкими, косыми полосами. Где-то вдалеке пересвистывались птицы, и этот звук казался оглушительно громким после той неестественной тишины, что висела во дворе.

Гриша опустил взгляд на себя — и похолодел.

Одежда на нём была чужой.

Простая льняная рубаха грубого плетения, серовато-кремового оттенка, с завязками у горловины. Поверх неё — короткий дублет из плотной коричневой шерсти, добротный, но без всякой вышивки и украшений, простроченный ровными, крепкими стежками. Ни пуговиц, ни застёжек — только кожаные шнуры, стянутые на груди. Штаны из тёмного сукна, свободные в бёдрах и зауженные к голени, заправлены в невысокие сапоги из мягкой, поношенной, но целой кожи. На плечах — короткий плащ-накидка, подбитый грубой тканью, застёгнутый у горла простой металлической пряжкой без узора.

Одежда путника, которому часто приходится ночевать под открытым небом. Не роскошь, но и не лохмотья. Всё добротное, удобное, привычное телу. Будто он носил это годами.

Гриша провёл ладонью по рукаву. Ткань была настоящей. Шершавой. Тёплой.

Он перевёл дыхание и вдруг заметил тяжесть на поясе. К широкому кожаному ремню, простому, без бляхи, крепилась набедренная сумка. Небольшая, вытянутая по горизонтали, сшитая из тёмной, вощёной кожи. Клапан застёгивался на костяную пуговицу. Сумка была слегка выпуклой — внутри что-то лежало.

Гриша расстегнул клапан почти машинально. Пальцы сами знали, куда тянуться. В сумке, помимо горсти сушёных ягод в тряпице, огнива и мотка бечёвки, лежала книга.

Он не стал её вытаскивать. Только коснулся уголка переплёта кончиками пальцев. Этого хватило, чтобы внутри всё сжалось в тугую, непонятный узел. Книга ощущалась... правильной. Словно именно она — единственное, что здесь было по-настоящему его.

Других вещей при нём не было. Ни оружия. Ни карты. Ни понимания, где он находится и как сюда попал.

Гриша застегнул сумку и огляделся. Лес был чужим, незнакомым, равнодушным.

— Так, — пробормотал он, растирая лицо ладонями, — похоже, я всё ещё сплю...

Тишина. Птицы всё так же пересвистывались в кронах. Ветер лениво перебирал верхушки сосен. Ничего не изменилось. Слишком реально для сна. Слишком связно.

— Ладно, — выдохнул он, поправляя ремень сумки. — Стоять и ждать не вариант. Пойду туда.

И Гриша пошёл прямо.

Мысли в голове Гриши мелькали беспорядочно, цепляясь одна за другую, как колючки репейника за штанину.

Очень реалистичный сон. Слишком реалистичный. Даже холод чувствую. И запах этот... разве во сне бывают запахи?

Он перешагнул через замшелое бревно, машинально отметив, что сапоги не скользят по влажной коре. Подошва держала хорошо.

А вообще, бывает так, что человек понимает, что спит? Осознанные сны, кажется, называются. Можно управлять. Захотел — полетел. Захотел — дракона призвал. А если это оно самое и есть? Надо попробовать взлететь.

Гриша на секунду замер, зажмурился и сосредоточился. Представил, как тело становится лёгким, как ноги отрываются от земли. Напрягся. Поднатужился. Ничего. Только ветка хрустнула под сапогом.

Ладно. Допустим, не осознанный. Но тогда почему всё такое... детальное? Вон тот лист, например. Я же никогда в жизни не рассматривал, как устроены листья на этом дереве. Откуда мой мозг знает, как оно выглядит? Должен быть какой-то прокол. Глюк. Что-то, что не может существовать в реальности. Надо просто найти несостыковку. Стену, за которой пустота. Предмет, у которого нет обратной стороны. Небо...

Он поднял голову. Небо было идеальным. Высоким, пронзительно-голубым, с редкими перьями облаков. Безупречным. И от этой безупречности становилось только тревожнее.

Ладно. Идём дальше. Просто идём и ищем выход. Или вход. Или... что вообще ищут в таких ситуациях?

Мысли текли лениво, перескакивая с одного на другое, убаюкивая, усыпляя бдительность. Лес постепенно редел, но Гриша этого почти не замечал. Он шёл, погружённый в бесконечный внутренний диалог, спорил сам с собой о природе реальности, перебирал воспоминания вчерашнего вечера, пытался вспомнить, что ел перед сном и могло ли это вызвать такие галлюцинации.

А когда поднял глаза — лес кончился.

Гриша замер, оборвав мысль на полуслове. Впереди, в широкой, залитой солнцем долине, раскинулась деревня. И она была настоящей. До последней мелочи. До дрожи.

Деревня стояла на перекрёстке двух дорог: одна — широкая, укатанная тележными колёсами, убегала на восток и терялась за холмами; другая, поуже, но тоже наезженная, вводила в сторону густого леса на севере. Десятка три дворов, обнесённых добротными плетнями и частоколами. Дома здесь были не курные избы, что ютятся на отшибе, а крепкие, срубленные на совесть строения. Высокие коньки крыш крыты тёмной, потемневшей от времени и дождей дранкой, кое-где — свежей, ещё золотистой соломой. Стены — массивные, из посеревших, плотно пригнанных брёвен, с резными наличниками на окнах. Не богатая резьба, без излишеств, но аккуратная — волны, зубцы, простые солнечные круги.

Дворы просторные, с крепкими хозяйственными пристройками, хлевами и амбарами. Кое-где мычала скотина, кудахтали куры. В воздухе витал запах дыма, свежее испечённого хлеба и едва уловимый аромат конского навоза.

Но главное, что сразу бросилось в глаза — здание в центре деревни. Двухэтажное, вытянутое, с выступающей над входом деревянной галереей и покосившейся, но всё ещё внушительной вывеской. На вывеске грубо, но разборчиво был вырезан силуэт то ли волка, то ли собаки и надпись на незнакомом языке, которую Гриша почему-то понял сразу: «Приют усталого путника». Под вывеской — широкая дверь, открытая настежь. Таверна. Самая настоящая, как с картинки в учебнике истории.

По улице ходили люди. Женщина в длинном платье и чепце тащила корзину с бельём. Двое мужиков в таких же, как у Гриши, простых дублетах чинили телегу возле кузницы, откуда доносился размеренный перестук молота. Стайка ребятишек с криками гоняла тощего петуха.

Обычная жизнь. Обычная деревня. И никому не было дела до незнакомца, застывшего на опушке.

Гриша выдохнул и шагнул в сторону деревни.

Из-под трухлявого пенька, что темнел у самой кромки леса, с резким шорохом выскочил заяц. Косой метнулся через тропинку прямо перед ногами Гриши, на секунду замер, повёл ушами — и понёсся прочь, в самую чащу, только задние лапы замелькали.

Гриша застыл как вкопанный. На лбу у зайца красовался рог. Небольшой, гладкий, костяной, с лёгким жемчужным отливом. Он рос прямо изо лба, как у единорога с детских рисунков, только ушастого и с пушистым хвостом.

Что?..

Он зажмурился на секунду, потряс головой. Открыл глаза. Заяц уже исчез в подлеске. Только ветка покачивалась.

Показалось. Или не показалось?

Гриша усмехнулся сам себе и махнул рукой.

— Да ну, — пробормотал он. — Это же просто сон. Во сне что угодно может быть. Хоть заяц с рогом, хоть говорящая белка, хоть дракон в шляпе. Всё нормально. Всё в порядке.

Он повторял это мысленно, как заклинание, и с каждым шагом в сторону деревни уверенность возвращалась. Ну конечно. Сон. Просто очень, очень реалистичный сон. А во сне логика не нужна. Во сне всё можно списать на фантазию.

Он уверенно зашагал вперёд, к околице, уже не оглядываясь на лес.

В деревне, между домами и заборами, бродили стражники. Четверо. Может, пятеро. Их было видно издали — они двигались неспешно, но с той особой, ленивой внимательностью людей, которым положено смотреть за порядком. Тела их защищала стёганая броня — плотные, прошитые вдоль и поперёк кожаные куртки-гамбезоны, доходившие до середины бедра. Кое-где на стёжке виднелись заплатки и потёртости, но в целом броня выглядела ухоженной и надёжной. А вот руки у них были закованы в латы. Стальные, без единого намёка на ржавчину, наручи и перчатки блестели на солнце, резко контрастируя с простой кожаной бронёй. За спиной у каждого висел короткий меч в простых ножнах.

Стражники не обратили на Гришу никакого внимания. Только один — высокий, с рыжеватой бородой — скользнул по нему равнодушным взглядом и отвернулся, продолжая что-то негромко обсуждать с товарищем.

Гриша толкнул дверь таверны и шагнул внутрь.

С порога ударил запах — густой, слоёный. Жареное мясо, кисловатый эль, печной дым, сырая шерсть и лёгкий аромат каких-то трав, развешанных пучками под низким потолком. В большом камине у дальней стены весело трещал огонь, отбрасывая на прокопчённые балки дрожащие оранжевые отсветы.

Общий зал был невелик, но уютен. Десяток грубо сколоченных столов, длинные лавки, пара одиноких путников, уткнувшихся в свои кружки. В углу тихо переговаривались двое — судя по пыльным плащам и усталым лицам, либо купцы, либо гонцы. Пол был устлан свежей соломой, и шаги тонули в ней, становясь почти неслышными.

За стойкой — массивной, тёмной, отполированной сотнями локтей за долгие годы — стоял трактирщик. Крепкий мужик лет сорока с закатанными по локоть рукавами, обнажавшими толстые, покрытые старыми шрамами предплечья. Он лениво протирает кружку тряпкой, провожая Гришу спокойным, оценивающим взглядом.

Гриша подошёл к стойке, кивнул — скорее по привычке, чем осознанно, — и тяжело опустился на высокий табурет. Ноги гудели. Он и не заметил, сколько прошёл.

Трактирщик отставил кружку, опёрся ладонями о стойку и оглядел Гришу с ног до головы. Взгляд у него был цепкий, но не враждебный. Так смотрят на старого знакомого, которого давно не видел и пытаешься вспомнить, где же вы пересекались. Задержался на сумке. На лице. На дорожной пыли, осевшей на плечах плаща.

В голову Гриши, будто молния, влетела простая, отрезвляющая мысль.

Денег-то у меня нет.

Он замер, не успев открыть рот. Рука сама собой скользнула к поясу, к сумке, ощупала её снаружи. Книга. Огниво. Ягоды. Бечёвка. Ни звона монет, ни знакомой тяжести кошелька.

Отлично. Просто отлично. Заявился в таверну, уселся как важный господин, а заплатить нечем. И что теперь? Сказать «ой, извините, я тут во сне, можно мне бесплатно кружку воды»? Выгонят ведь. Или ещё хуже — стражу позовут. Вон они, на улице бродят, с латными ручищами...

Трактирщик, ничего не спрашивая, повернулся к бочонку, стоявшему на полке позади стойки, налил в чистую глиняную кружку воды и поставил её перед Гришей. Кружка была простая, но без сколов. Вода — прозрачная, холодная, с поверхности ещё не сошла лёгкая дрожь от движения.

— За воду денег не берём, — сказал он спокойно, без усмешки и без жалости.

Сказал и вернулся к своей кружке, продолжая протирать её всё той же тряпкой, будто ничего и не произошло. Будто каждый день к нему заходят путники без гроша в кармане и с потерянными видом. А может, так оно и было.

Гриша взял кружку, чувствуя, как холодная влага холодит пальцы. В горле и правда пересохло. Он сделал глоток. Вода была вкусной.

И почти сразу же желудок напомнил о себе — глухим, требовательным урчанием, которое, казалось, слышала половина таверны. Голод, отступивший куда-то на задворки сознания, пока он шёл через лес, теперь нагнал его с удвоенной силой. Во рту вдруг стало солоновато от одной только мысли о еде.

Он поставил кружку на стойку, помедлил.

Работа. Надо спросить про работу. Не просто же так сидеть, в самом деле. Даже во сне жрать хочется.

Он откашлялся и поднял взгляд на трактирщика.

— Послушайте... — начал Гриша, слегка запинаясь. — А работы у вас никакой нет? Может, помощь какая нужна?

Трактирщик оторвался от своей кружки, снова оглядел Гришу — на этот раз более пристально, оценивая не внешность, а что-то другое. То ли годность, то ли надёжность.

— Работы, говоришь? — он хмыкнул в усы. — Вообще-то есть. На кухню помощник требуется. Овощи чистить, посуду мыть, за огнём следить. Работа не пыльная, но рук не хватает.

Он помолчал, вытер руки о передник.

— Плачу немного, сразу скажу. Но если надо — еда и кров. Комнатка на чердаке есть, маленькая, но своя. Кровать, стол, табурет. Окно на лес. Не хоромы, конечно, но ночевать есть где.

Трактирщик опёрся ладонями о стойку и посмотрел Грише прямо в глаза.

— Ну что, возьмёшься?

Гриша, не раздумывая, кивнул.

— Согласен.

Трактирщик одобрительно хмыкнул в усы. Протянул через стойку руку — широкую, мозолистую, с крепким пожатием.

— Добро. Меня Хартом звать. Работаешь честно — и я тебя не обижу. Завтра с утра приступишь. А пока...

Он обернулся к очагу, зачерпнул из котла, что тихо булькал на углях, и поставил перед Гришей глубокую глиняную миску. От миски шёл пар, густой и пряный. Похлёбка. Простая, но наваристая: куски какого-то корнеплода, щедрая горсть ячменя, волокна тёмного мяса и пучок зелени, плавающий сверху. Рядом лёг ломоть хлеба — грубого, с хрустящей корочкой.

— Поешь и иди отдыхай. С дороги всегда спать надо, не думать.

Гриша даже не нашёлся, что ответить. Просто кивнул, чувствуя, как от запаха еды кружится голова. Он ел не спеша, но с жадностью, на которую способен только очень голодный человек.

За окнами таверны день угасал. Вечер опустился на деревню быстро, почти без перехода — солнце скатилось за частокол леса, и небо из голубого стало густо-синим, а потом и вовсе чернильным. В зале зажгли масляные лампы. Тени заплясали по стенам.

Гриша поднялся на чердак по узкой, скрипучей лестнице. Комнатка и правда оказалась маленькой — кровать, стол, табурет, окно на лес, как и говорил Харт. Но подушка была набита свежим сеном, а одеяло пахло сушёными травами. Он стянул сапоги, рухнул на кровать и закрыл глаза.

Сейчас проснусь. Сейчас открою глаза — и будет моя комната, мой потолок, мой старый холодильник...

Мысль эта была спокойной, уютной, как колыбельная. С ней он и уснул.

Пробуждение вышло резким. Солнечный свет бил в маленькое окошко, птицы орали где-то совсем рядом, и пахло дымом из печной трубы. Гриша открыл глаза, уставился в низкий дощатый потолок и несколько секунд просто лежал, осознавая.

Не дома.

Он сел на кровати, потёр лицо ладонями. Сумка с книгой лежала рядом на табурете. Сапоги стояли у двери. Всё было на своих местах. Всё по-настоящему.

— Да-а... — протянул он хрипло, разминая затёкшую шею. — Длинный, странный сон...

Он замолчал, прислушался к себе. Где-то внизу уже гремели посудой. Харт начинал рабочий день.

Гриша вздохнул, поднялся, плеснул в лицо водой из тазика в углу и, поправив сумку на поясе, пошёл вниз — помогать на кухне.

День пролетел быстро.

Работа на кухне оказалась не тяжёлой — чистить овощи, таскать воду, следить за огнём, перебирать крупу, скоблить котлы, — но её было много. Бесконечный поток мелких дел, от которых некогда отвлечься, некогда подумать. Харт, как выяснилось, держал трактир в одиночку, и лишние руки пришлись как нельзя кстати. Пару раз забежали те самые стражники в кожаных гамбезонах и латных перчатках — брали эль, негромко переговаривались с хозяином, бросали на Гришу короткие равнодушные взгляды. Он старался не мешаться под ногами.

К вечеру он поднялся на чердак, чувствуя приятную, честную усталость во всём теле. Мышцы ныли, но не противно — так, как бывает после хорошо сделанной работы. За окном сгущались сумерки. Где-то далеко, на грани слышимости, в лесу протяжно завыл то ли волк, то ли что-то другое.

Гриша сел на кровать, вытянул ноги и вдруг вспомнил про сумку. Весь день она провисела на поясе — он к ней почти привык, — но заглянуть внутрь так и не удосужился. Сейчас, в тишине, любопытство взяло своё.

Он расстегнул клапан, запустил пальцы внутрь и бережно извлёк книгу.

Вблизи она оказалась ещё удивительнее, чем он запомнил. Переплёт был обтянут не кожей, не тканью — а чем-то, что напоминало шкуру огромной ящерицы. Мелкие чешуйки шли ровными рядами, переливаясь в скудном свете масляной лампы от тёмно-зелёного до глубокого, почти чёрного. На ощупь — прохладные, гладкие, но при этом не скользкие. Материал явно был старым, но ни единой трещинки, ни потёртости.

А в самом центре обложки сиял камень.

Он был вставлен прямо в переплёт, утоплен в чешуйчатую шкуру, будто врос в неё. Абсолютно белый — белее молока, белее первого снега. И вырезан в форме сердца. Анатомически точного сердца. С желудочками, предсердиями, сосудами. Каждая деталь была передана с пугающей, неестественной достоверностью.

— Шкура дракона, — усмехнулся Гриша, проводя пальцами по чешуйкам. Усмешка вышла невесёлой. Слишком уж реалистичной казалась эта «шкура дракона» для простого сна.

Он открыл книгу.

Страницы были абсолютно пусты. Ни букв, ни знаков, ни единой пометки. Только желтоватый пергамент, чуть шершавый на ощупь, и больше ничего. Гриша пролистал несколько страниц — пусто. Ещё десяток — пусто. Вся книга, от первой до последней страницы, была чиста. Будто ждала, когда кто-то возьмётся за перо.

Он захлопнул книгу и отложил её на табурет. Мысли ворочались в голове тяжёлые, неповоротливые. Пустая книга. Чешуйчатая обложка. Каменное сердце. Заяц с рогом. Фиолетовый шар. Всё это наслаивалось одно на другое, как пласты странного, безумного торта, от которого уже начинала болеть голова.

Он скинул сапоги, стянул дублет и, не раздеваясь дальше, развалился на кровати. Сено в подушке тихо зашуршало, принимая форму затылка. За окном занимался поздний вечер, переходящий в ночь. Лес молчал. Даже тот зверь, что был раньше, кажется, утомился.

Веки налились свинцом. Гриша даже не заметил, как заснул. Просто моргнул — и уже темнота. Глубокая, спокойная, без сновидений.

Пробуждение было резким.

Колокол. Гулкий, басовитый, он бил где-то в центре деревни — мерно, тревожно, раскатисто. Звук врывался в узкое окошко чердака, заполнял собой всю комнатуху, вибрировал в досках пола.

Гриша подскочил на кровати, ещё не понимая, где он и что происходит. За окном было темно — самый краешек неба только начинал сереть, но до настоящего рассвета оставалось ещё далеко. Петухи молчали. Птицы не пели. Только колокол.

— Странно, — пробормотал Гриша, протирая глаза. — Такого раньше не было.

Он встал, подошёл к окну. В домах напротив одно за другим зажигались окна. По улице, тяжело топая сапогами, пробежали двое стражников — те самые, в латных перчатках. Они направлялись в сторону околицы.

Колокол продолжал бить.

Вдруг колокол смолк. На секунду повисла звенящая тишина — а потом её разорвал звук.

Глухой, хриплый рёв. Низкий, утробный, от которого завибрировало в груди и задребезжало стекло в окне. Это был не волк. И не медведь. Такой звук не могло издать ни одно знакомое Грише животное.

А следом — человеческий крик. Короткий, полный ужаса, оборвавшийся так же внезапно, как и начался.

Гриша сорвался с места. Сапоги схватил уже на бегу, даже не застёгивая. Скатился по лестнице, едва не сбив Харта, который как раз выходил из кухни с топориком для разделки мяса в руке. Трактирщик что-то крикнул вслед, но Гриша уже не слышал.

Он выскочил на улицу и замер.

Посреди деревни, прямо на утопанной дороге между кузницей и колодцем, стоял лось. Огромный. Размерами он превосходил любую лошадь, какую Гриша когда-либо видел. Холка возвышалась над землёй метра на два с лишним, тело было покрыто жёсткой, дымчато-серой шерстью, а из ноздрей вырывались облачка пара.

Но самым поразительным были рога. Широкие, раскидистые, они не были костяными. Они сияли. Густой, насыщенный изумрудный свет струился по их граням, будто внутри тёк жидкий драгоценный камень. В предрассветных сумерках это свечение казалось почти колдовским.

Один из стражников лежал на земле без движения. Его латные перчатки были смяты и покрыты изморозью. Двое других, выставив мечи перед собой, медленно обходили лося с двух

сторон, оттесняя его от сжавшейся в комок фигуры. На земле, прижимаясь спиной к стене кузницы, сидела девушка. Она была бледна, глаза расширены от ужаса, но, кажется, цела.

Лось бил копытом по земле. Из-под стального копыта летели искры. Он снова издал тот самый глухой, хриплый рёв — и качнул рогами, оставляя в воздухе изумрудный след.

Стражники переглянулись. Один кивнул другому. Явно готовились атаковать.

Гриша стоял босиком на холодной земле и смотрел, не в силах отвести взгляд от сияющих рогов.

Гриша не думал. Ноги понесли его вперёд сами, раньше, чем мозг успел осознать, что он делает. В ушах стоял звон, перед глазами — только изумрудное сияние рогов и сжавшаяся у стены девушка.

Он подскочил к стражнику, что лежал без сознания, нагнулся и рванул меч из его обмякших пальцев. Рукоять была тёплой от чужой ладони, непривычно тяжёлой. Гриша сжал её обеими руками — неуклюже, не так, как держат оружие, а так, как держат черенок лопаты.

Лось заметил движение. Огромная голова повернулась, изумрудные рога рассекли воздух. Гриша замахнулся мечом, даже не представляя, куда бить. Лезвие описало неуклюжую дугу.

Рога ударили в грудь.

Он даже не успел понять, что случилось. Мир перевернулся. Земля и небо поменялись местами. Он летел, беспомощный, точно тряпичная кукла, а потом с хрустом врезался спиной в стену какого-то сарая. Из лёгких выбило весь воздух. Меч выпал из пальцев и звякнул где-то в стороне. Гриша рухнул на землю, распластавшись, как сломанная игрушка.

А потом пришла боль. Жгучая, раскалённая, она пронзила тело насквозь — от груди до кончиков пальцев. Вспорото, разорвано, смято. Дышать было нечем. Он хватал ртом воздух, но лёгкие будто забыли, как работать. Перед глазами плыли чёрные круги.

Он лежал на холодной земле, глядя в светлеющее небо, и чувствовал, как по животу растекается что-то тёплое и мокрое. Рука сама потянулась туда, коснулась — пальцы стали красными. Кровь.

И тут, лёжа в пыли, с распоротым пузом и чужим мечом в паре метров от себя, Гриша вдруг понял. Ясно, пронзительно, с ужасающей определённой.

Это не сон.

Сон не может быть таким. Во сне нет такой боли. Во сне не хрустят собственные рёбра. Во сне кровь не ощущается горячей и липкой.

Это не сон. Это всё по-настоящему. И он, Гриша, обычный парень, непонятно как попавший в чужой мир, сейчас, возможно, умрёт. Прямо здесь. На грязной улице незнакомой деревни. Даже не узнав, зачем он здесь и что это за книга в его сумке.

Лось снова взревел. Земля дрогнула от удара копыт. Кто-то кричал. Где-то далеко, на грани угасающего сознания, звенел металл.

А Гриша лежал, смотрел в небо и думал только об одном: как глупо. Как глупо вот так всё заканчивается.

В глазах потемнело. Небо, такое светлое и равнодушное, сузилось в точку, будто кто-то закручивал крышку объектива. Звуки отдалились, стали глухими, ватными. Даже боль на секунду отступила, оставив только холод.

А потом сквозь эту черноту прорвался голос. Грубый, хриплый, знакомый.

— Глотай, дурак! Глотай, кому говорю!

Чьи-то пальцы — жёсткие, мозолистые — разжали Грише челюсти. В рот хлынула жидкость. Густая, обжигающе-горячая, с металлическим привкусом и резким запахом трав, от которого закружилась голова. Гриша поперхнулся, закашлялся, но жидкость уже текла в горло, разливалась внутри жаром.

А потом стало... тепло. Не больно — тепло. Жар пополз от живота к груди, к плечам, к самым кончикам пальцев. Что-то влажно хлопнуло в ране, и Гриша почувствовал, как края разорванной плоти стягиваются, срастаются, смыкаются. Это было щекотно, почти до тошноты. Он скосил глаза вниз и увидел, как рана на животе затягивается — кожа сходилась прямо на глазах, оставляя только багровый шрам и запёкшуюся кровь вокруг.

Над ним, склонившись, стоял трактирщик. Харт. В одной руке он держал пустой пузырьрёк, в другой — всё тот же топорик для разделки мяса. Лицо его было красным от ярости.

— Ты совсем без башки?! — орал он, брызгая слюной. — Куда полез?! Меч он схватил! Герой выискался! Ты хоть раз в жизни меч-то держал, дурья башка?! Я тебя на кухню взял, а не в ополчение! Ещё раз такое выкинешь — сам прибью, понял?!

Гриша попытался что-то ответить, но из горла вырвался только хрип. Он приподнялся на локтях. Голова кружилась, но боль ушла. Харт грубо отодвинули в сторону.

Над Гришей навис стражник. Тот самый, что лежал без сознания. Лицо его было багровым от злости, на лбу наливалась здоровенная шишка. Дышал он тяжело, с присвистом, и смотрел на Гришу так, будто хотел испепелить взглядом.

— Ты! — рявкнул он, тыча пальцем в лицо. — Какого хера ты вытворяешь?! Ты кто вообще такой?! Мой меч зачем схватил?! Ты вообще держать-то его умеешь, придурок?!

Подожли и двое других. Встали рядом, глядя на Гришу сверху вниз. Взгляды у всех троих были одинаковые — смотрят как на идиота, который очень сильно накосячил. Чуть сам не сдох, других подставил, а теперь из-за него ещё и ценнейшее лечебное зелье извели. За такой пузырьрёк иной купец годовой выручки не пожалеет, а этот дурак его за пару вздохов выхлебал.

— Отрабатываешь, — коротко бросил один. Не спросил. Поставил перед фактом.

— До последней монеты, — добавил второй.

— Если Харт тебя раньше не прибьёт, — закончил третий, тот, что с шишкой.

Харт стоял рядом, скрестив руки на груди, и молчал. Вид у него был такой, будто он пока не решил — прибить Гришу сразу или всё-таки дать шанс отработать долг.

Гриша отключился.

Просто моргнул — и мир погас. Последнее, что он помнил: три злых лица над собой, багровая шишка на лбу стражника, молчаливый Харт со скрещенными руками. А потом — темнота. Тихая, глубокая, без сновидений.

Очнулся он уже в своей каморке на чердаке. Солнце стояло высоко за окном — судя по свету, перевалило далеко за полдень. Тело ныло, но уже не болело. Он провёл рукой по животу — под пальцами чувствовался только грубый, стянутый шрам. Чистая работа. Дорогое зелье, ничего не скажешь.

На табурете, аккуратно сложенная, лежала целая рубаха. Простая, льняная, без единой прорехи. Не та, что была на нём — ту, залитую кровью и разорванную рогами, видимо, выбросили. Гриша оделся, стараясь не делать резких движений, и, держась за стенку, спустился по лестнице в общий зал.

Харт стоял за стойкой. Увидел Гришу — и глаза его полыхнули. Тряпка полетела на стол. Дальше последовала долгая, обстоятельная, многоступенчатая тирада. О том, какой Гриша идиот. О том, что он вообще думал, когда хватался за меч. О том, сколько стоит лечебное зелье и сколько недель бесплатной работы потребуется, чтобы его отработать. О том, что если Гриша ещё хоть раз выкинет что-то подобное — он лично спустит его с лестницы головой вниз.

Гриша стоял молча, не перебивая. В голове было пусто. Спорить не хотелось. Оправдываться — тем более.

Наконец Харт выдохся. Помолчал, успокаиваясь. Плеснул себе воды, выпил залпом. Потом взглянул на Гришу уже спокойнее — устало, без прежней ярости.

— Кстати, — сказал он, вытирая усы, — стражники заходили. Те трое. Уже остыли. Велели передать: как поправишься, если захочешь — приходи вечерами. Фехтование подучат.

Харт усмехнулся уголком рта.

— Видимо, решили, что такой дурной, как ты, должен хотя бы уметь меч в руках держать. На всякий случай. Чтобы в следующий раз сразу не сдох.

Гриша стоял посреди зала, опустошённый. Внутри словно выскребли всё подчистую — ни злости, ни страха, ни даже облегчения от того, что жив. Только усталость. Тяжёлая, свинцовая, вдавливающая плечи в пол. И боль. Ноющая, глубокая, в рёбрах и груди — там, где рога проломили кости. Зелье затянуло рану и срастило плоть, но кости заживали медленнее. Каждый вдох отдавался тупым эхом где-то под сердцем.

Харт оглядел его с головы до ног, нахмурился и мотнул головой в сторону лестницы.

— Иди. Отлѣживайся. Дня два, не меньше. Если заразу в лёгкие словишь — уже никакое зелье не поможет. На кухню пока не суйся. Воду тебе принесут. Еду — тоже.

Гриша молча кивнул. Развернулся. Пошёл к лестнице, держась за перила. Каждая ступенька давалась с трудом.

Харт смотрел ему вслед. Смотрел долго. Даже когда спина Гриши скрылась за поворотом, трактирщик всё стоял, уперев руки в стойку, и взгляд его был странным — далёким, затуманенным.

Он вспомнил Льюка. Своего мальчика. Такой же был: тощий, упрямый, с вечно растрёпанными волосами. Примерно того же возраста. И вечно лез туда, куда не просят. Вечно хотел помочь. Вечно хотел быть героем.

А потом — ушёл. Года три назад. Сказал, что хочет посмотреть мир. Что не может всю жизнь просидеть в пограничной деревне, протирая кружки и подавая эль. Они тогда сильно поругались. Харт кричал. Льюк хлопнул дверью.

С тех пор — ни вестей, ни писем. Только тишина. И каждую осень, когда начинались дожди, Харт смотрел на дорогу и ждал. Ждал, что однажды на пороге появится знакомая фигура в потёртом плаще.

Он тряхнул головой, прогоняя воспоминания. Вернулся к бочонку с элем. Занялся привычной работой. Но где-то глубоко внутри, в самой тёмной и тёплой части сердца, шевельнулось что-то, чего он уже давно не позволял себе чувствовать. Беспокойство. Смешанное с чем-то похожим на надежду.

Гриша вошёл в свою каморку, притворил за собой дверь и тяжело, не раздеваясь, рухнул на кровать. Тело благодарно заныло, принимая горизонтальное положение. Он лежал, глядя в низкий дощатый потолок, и слушал, как где-то внизу Харт гремит посудой. Боль в рёбрах постепенно утихала, превращаясь в глухую, терпимую пульсацию.

Взгляд его упал на табурет. Там лежала книга. В суматохе он совсем про неё забыл. Чешуйчатая обложка тускло поблёскивала в косых лучах закатного солнца. Каменное сердце в центре обложки было неподвижно, но по-прежнему казалось живым.

Гриша помедлил. Потом протянул руку, взял книгу и открыл её.

Первый лист больше не был пустым.

На пожелтевшем пергаменте, прямо на глазах, проступали строки. Буквы были ровными, чёткими, выведенными тёмными чернилами с лёгким багровым отливом. Они не были напечатаны — написаны от руки, но с такой каллиграфической точностью, будто над каждой работали часы.

Гриша начал читать. Текст был подробным, почти научным. О том, что любой предмет в мире обладает массой. О том, что масса — это не просто вес, не просто тяжесть в ладони. Это суть. Это основа. Это то, из чего сплетено всё сущее. Камень, вода, дерево, плоть, воздух — всё имеет массу. Всё подчиняется одним и тем же законам.

Он читал дальше, и строчки ложились в голову странно — не как новые знания, которые нужно запоминать и обдумывать, а как воспоминания. Будто он всегда это знал. Будто когда-то

давно, в другой жизни, он уже сидел над этой книгой и вчитывался в эти самые строки. Просто забыл. А теперь вспоминал.

...и масса любого предмета может быть изменена. Ибо масса не есть постоянная величина, но лишь точка равновесия. Сдвинь её — и камень станет легче пуха. Или тяжелее горы. Всё зависит от воли. Всё зависит от знания. Тот, кто знает массу, — владеет предметом...

Гриша моргнул, оторвал взгляд от страницы и посмотрел на свою ладонь. На табурет. На кружку с водой, что оставил Харт.

И вдруг понял.

Не догадался. Не предположил. Именно понял — на каком-то глубинном, подсознательном уровне, куда не добираются слова. Он знает массу. Всего. Каждого предмета, на который падает его взгляд. Он чувствует её — не умом, а чем-то другим. Как чувствуют тепло или холод. Кружка — плотность глины, вес воды внутри, распределение по стенкам. Табурет — сухое дерево, изношенное, но ещё крепкое. Книга в его руках — тяжесть, несоразмерная размеру. Камень на обложке — самый плотный, самый тяжёлый элемент, ядро, вокруг которого собрано всё остальное.

Он знал это. Знал. И он мог это изменить.

Гриша медленно закрыл книгу. Сердце колотилось где-то в горле. В висках стучало. Он смотрел на кружку с водой и чувствовал её массу так же ясно, как чувствовал боль в сломанных рёбрах.

Он ещё не пробовал. Ещё не решался. Но он уже знал, что получится.

Он выдохнул. Сосредоточился. И мысленно потянулся к этому ощущению — так, как тянутся пальцами к незнакомому предмету. Осторожно. Пробуя.

Тяжелее.

Кружка дрогнула. Доски под ней жалобно скрипнули. Она стала оседать, вминаясь в табурет, будто кто-то невидимый надавил на неё сверху. Десять килограммов. Глина выдержала. Вода даже не расплескалась.

У Гриши перехватило дыхание. Получилось. Сердце застучало где-то в ушах. Он смотрел на кружку, не веря себе, и чувствовал её новую, плотную, солидную тяжесть.

Легче.

Кружка снова дрогнула. На этот раз она почти взлетела — приподнялась над табуретом на волосок и замерла. Один грамм. Не тяжелее пёрышка. Гриша чувствовал, как от малейшего сквозняка из окна кружка едва заметно покачивается, готовая улететь.

Он смотрел на неё, и внутри поднималось странное, незнакомое чувство. Восторг. Чистый, детский, ничем не замутнённый восторг. Это работало. Он мог менять реальность. Не во сне — наяву. Прямо сейчас. В этой комнате. Своими руками и своей головой.

Гриша вернул кружке обычный вес. Она мягко опустилась на табурет. Он откинулся на подушку и вдруг рассмеялся — тихо, хрипло, сквозь боль в рёбрах.

Он не знал, куда его занесло. Не знал, как вернуться домой. Не знал, что это за книга и откуда она взялась. Но прямо сейчас, глядя на самую обычную кружку, он впервые за двое суток почувствовал не страх. Надежду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.